

В минувшем году Василий Белов опубликовал новый роман «Все впереди». Это произведение сразу же вызвало много суждений и споров. По мнению многих критиков, уже высказавших в печати свое отношение к роману, писатель изменил своему материалу». Критика утверждает, что «Все впереди» — произведение, затрагивающее новую для автора тему города, означает в творчестве Белова перелом. А что думает об этом сам писатель?

— Видите ли, в чем соль, — убежденно говорит Василий Иванович, — нельзя судить о писателе только по последним публикациям или по датам выхода книг. Эти даты далеко не всегда соотносятся с изменениями взглядов на жизнь и литературный труд. Книги, ведь они выходят тогда, когда им можно выходить. И делать только по ним какие-либо выводы о тематических изменениях в творчестве любого писателя считаю ошибкой.

Кстати, к теме города впервые я обратился еще четверть века тому назад. Будучи студентом Литинститута, написал несколько чисто городских вещей. Присутствовала городская тема и в книге «Воспитание по доктору Споку». Но тогда критики игнорировали мой интерес к городу. Теперь же многие из них делают вид, что тема эта для меня новая, что город для меня якобы неведомая земля. Но ведь я же горожанин с 1949 года. Последнее время бываю в деревне реже, чем в Москве. Критики пытаются отвести мне участок с сельской лужайкой, как для теленка, полагая, что я не должен прыгать за изгородь. Пиши, мол, о деревне, и с тебя довольно. Я не согласен. Каждый волен писать то, что он хочет. Я вообще придерживаюсь такого принципа: не делать того, что делать не хочется или неинтересно. А над «Все впереди» работалось не только с интересом, но и с удовольствием.

Критики вот пишут, что я противопоставляю деревню городу и не приемлю Москвы. Но это не так. В книге достаточно определенно выражено авторское отношение к городу в целом, и к Москве в частности. Москва всем нам дорога и близка. И нет у меня никакого очернительства города, которое так настойчиво выискивают иные в моих книгах. Доходит до того, что кое-кто из рецензентов использует и нечестные приемы, приписывая автору чувства персонажей...

— Герои вашего романа часто сталкиваются с убыстрением темпов нашей жизни. Почти все они постоянно спешат. Скажите ли эта торопливость на характере человека?

— Еще как. Суета и вечная спешка неизбежно приводят к сбоям в здоровье. Человек становится раздражительнее и нервнее. У него не остается времени даже для общения с родными и близкими. Он не успевает... Один из моих героев говорит, что дефицит доброты является следствием дефицита времени, особенно в больших городах. Я уж не говорю о работе. На себе испытал: чем больше торопишься, тем хуже работает. Надо стремиться жить размеренно, без суеты. Тогда больше успеешь сделать и лучше твоя работа получится.

— Одной из своих книг вы утверждаете: в жизни нужен лад. При этом в самой книге вы показали лад, какой существует в деревне...

— Простите, что перебиваю, но лад был и в городе. Возьмите наудач книгу о Москве. Вы обязательно найдете в них страницы о московском ладе. Москва ничуть не лишена того лада, о котором пишу и я. Конечно, в городе формы этого лада другие, но главное, что лад существовал. Ни один народ не мог жить без этого лада. Впрочем, что это мы все говорим в прошедшем времени? Лад нельзя рассматривать как принадлежность одного прошлого. Он существует и сейчас и будет всегда. Это один из способов, может быть, одно из условий существования. Чем

стройнее этот лад, тем размереннее и мелодичнее жизнь каждого из народов, крепче жизненные устои и мир на Земле.

Естественно, лад имеет и национальную, и социальную, и временную специфику, свои отличия. Но так давайте напишем о нем, расскажем и об этих отличиях! В чем дело? Я согласен. Мы увидим, что по форме нынешний лад совсем другой, у разных народов проявление его тоже различно, своеобразно.

— В современном мире происходит немало и негативных процессов, о чем вы писали в книге «Раздумья на родине». Могут ли сочетаться эти процессы с ладом?

— Разумеется, нет. То, о чем говорится в «Раздумьях на родине», это в большей мере уже разлад. А разлад, он ведет только к одному — к гибели. Конечно, никто погибать не хочет. Но тогда нужны действия, смелые поступки, серьезные перемены. Только это поможет остановить и преодолеть разлад в нашем быту, в нашей экономике и культуре.

уходят отовсюду, из городов тоже. Миграция населения у нас развита до предела.

Мы воспитали целые поколения так называемых романтиков, которым везде хорошо, только не в стенах родного дома. Стало привычным сниматься целыми семьями и ехать куда-нибудь как можно дальше. Одни гонятся за деньгами, другие — за экзотикой. А в итоге — чуть не вся страна сейчас на колесах. Разве это хорошо?

Вредным для деревни делом я считаю нажим на девчонко-десятиклассниц, чтобы они поголовно становились доярками. Не девчат надо зазывать в животноводство, а ребят. Работа на фермах не из легких. Я вот почти всю Европу объездил: везде на фермах в основном мужчины. Женщины только помогали. У нас же почему-то все наоборот: взвалили животноводство главным образом на женские плечи. Естественно, многие девушки любимыми средствами перебираются в города.

Впрочем, далеко не все жители, покинувшие деревню, свыкаются с городским стилем и ритмом жизни. Даже Василий

Анатолий Заболоцкий, было у него не так уж и много.

Наверное, это не самый великий грех — посчитать кому-то себя, спустя годы, другом Василия Макаровича и начать идеализировать свои отношения с ним. Плохо, когда в угоду чему-то начинают придумывать небылицы. Множество отсебятины о Шукшине я обнаружил, например, в работах Льва Аннинского.

— Как вы полагаете, время состарило или омолодило те идеи и боли, которыми Шукшин жил и которые находили такое яркое выражение в его творчестве?

— Идеи и боли, которыми жил Шукшин, никуда не исчезли. Они по-прежнему злободневны. Но как нам не хватает Шукшина именно сейчас!

Если раньше судьба литературы наполовину зависела от редакторов, которые далеко не всегда обладали смелостью и мужеством, то теперь положение несколько изменилось...

— Вы не преувеличиваете, так ли уж все решал редактор?

— Я вспоминаю, как проходила в издательстве моя пер-

Василий БЕЛОВ

ЖАЖДА ЛАДА



— А как собирался материал для книги «Лад»?

— «Лад» складывался из рассказов моей матери — Анфисы Ивановны, из воспоминаний близких мне людей и собственных переживаний и наблюдений. Книжные источники меня не очень трогали. Книги даже таких людей, как удивительный этнограф Максимов и замечательный фольклорист Афанасьев, при работе над «Ладом» были для меня неинтересны. Жизнь в них рассматривается глазами интеллигента, то есть как бы со стороны, но не изнутри. Это меня даже обижало. (Сознание того, что кто-то, пусть и благожелательно, пытался или пытается разглядеть мою жизнь со стороны, записать мои песни, привычки, вызывает... ну, не протест, а какое-то чувство неловкости.)

Я признаю фольклор только в настоящем, живом виде. Книжный, отраженный фольклор на меня почти не действует. То, что я читаю народные сказки, слушаю по радио народные песни, вызывает совсем другие ощущения, чем было при моем непосредственном участии в беседах, играх, в праздниках и гуляньях во время моего отрочества. От записанных сказок и песен отдает музеем, а музеи для меня олицетворяют не нынешнюю, а прошлую жизнь.

— Вот мы говорим, Василий Иванович, о ладе, о необходимости жить размеренно. Но в городе, особенно крупном, согласитесь, достичь теперь этого крайне сложно.

— И все-таки выход есть. Прежде всего нельзя допускать бесконтрольного расширения территории одного города. Все, в том числе и городские границы, должны иметь разумные пределы. Мне непонятно и стремление определенной части людей непременно уехать из деревни и обязательно жить в большом городе.

— Тем не менее молодежь продолжает покидать деревню. Как вы считаете, тяга к городу — это естественная потребность сельского жителя или итог расхлябанности и бездушия некоторых наших хозяйственных руководителей?

— Я связываю это с глобальными процессами, происходящими в нашей стране. Люди уходят не только из деревни,

Макарович Шукшин однажды всерьез задумался о том, не расстаться ли ему с московской пропиской и не вернуться ли в деревню...

— Как вы познакомились с Шукшиным?

— Встретились мы в конце пятидесятых годов в общежитии Литинститута. Он был старше меня на три года, но в остальном многое у нас было одинаковым. Оба пережили голодное военное детство, росли без отцов, служили в армии. И он, и я в юности не имели не только аттестатов зрелости, но и паспортов, у Шукшина одно время даже московской прописки не было. После института его направили на периферию, а он на свой страх и риск никуда не поехал. Остался в Москве и жил, не имея законной прописки и квартиры. Так же обоих нас не пускали, как бы поточнее и поделкатней сказать, в высшие сферы, что ли...

Шукшин не раз ездил ко мне в Тимонику. Собирались мы слетать и на его родину. Один раз даже взяли билеты, но рейс неожиданно отменили, надо было ждать целые сутки, на что терпения у нас не хватило. В Сростках я побывал только после его смерти...

Я был сторонником того, чтобы Шукшин оставил кинематограф и занялся только литературой. Леонид Максимович Леонов специально писал ему, советовал все силы отдать литературе. Василий Макарович соглашался с такими советами, а сам продолжал работать на два фронта. Однажды он сказал: «Все, вот сниму «Разина» и брошу кино». Но что значит снять две серии «Разина»? Это же два-три года изнуряющего труда...

Шукшин превосходно знал современный народный язык и был большим мастером миниатюр. Он, бывало, на ходу, прямо во время съемок мог сочинить диалог, которого не было в сценарии. Сценарий никогда не являлся для него догмой. Порой он в ходе съемок менял даже сюжетные линии. Не будь он большим писателем, он был бы не менее значительным режиссером.

Давно хочу написать биографию Шукшина. Не знаю, смогу ли. Жду, когда выговорятся все его «друзья». Но истинных друзей, таких, как кинооператор

вая московская книжка. Прочитав рассказ «За тремя волоками», редактор потребовала изменить сюжет: «Сделайте своего героя председателем колхоза и покажите, как ваш майор возрождает деревню».

Правда, с такими любовыми требованиями я больше не сталкивался, гораздо чаще редакторы пытались что-то сократить, кромсать. До сих пор не могу восстановить многие страницы, например, в «Привычном деле», в «Канунах». Многим нашим редакторам стоило бы вспомнить Твардовского, который даже в самые сложные времена умел отстаивать интересы писателей.

— Какова роль Твардовского в вашей судьбе?

— Видите ли, писателю, особенно в начале своего пути, необходимо верить в то, что пишет он не зря, что его произведения будут напечатаны. Ему важно знать, что есть редактор, обладающий смелостью, принципиальностью и эстетическим чутьем. Таким редактором являлся для писателей моего и, наверное, не только моего поколения Александр Трифонович Твардовский. Когда он чувствовал, что та или иная рукопись — это литература, то сразу отправлял ее в набор. Твардовский как бы генерировал и излучал особую энергию, создавал вокруг себя «поле». Это поле помогало Абрамову, например, относительно спокойно писать своих «Пряслиных».

— Чья оценка ваших книг вам особенно дорога?

— Писатель, как я думаю, всегда сам чувствует, что он сделал и на что годится. На него не может сильно влиять какое-либо внешнее явление. Надо самому знать, чего ты хочешь.

Правда, в начале пути все обстоит иначе. Тогда дорог каждый отзыв. Для меня, например, очень большое значение имели оценки Александра Яковлевича Яшина и Александра Трифоновича Твардовского. До их отзывов я относился к своей работе скептически, неуверенно. Когда же они похвалили мои писания, пришлось заниматься литературой всерьез...

— Василий Иванович, а вы помните, как выходили ваши первые книги?

— Конечно. В шестьдесят

первом году принес стихи в Вологодское издательство. А через три месяца уже держал в руках сигнальный экземпляр первого сборника. Так же быстро вышла и вторая книга, состоявшая из рассказов. Сейчас я стесняюсь этих книг.

— Но оперативность, с какой издавали первые книги молодых авторов, сегодня кажется просто сказкой...

— Да, теперь от наших молодых Северо-Западное издательство, расположенное в Архангельске, требует рукописи за 3—4 года до выпуска. Бывает и так, что вот уже подошла очередь молодого автора издаваться, а ему говорят: вы за четыре года много нового написали, покажите. Предлагают изменить состав. Книга задерживается еще года на два. У талантливых молодых авторов лопается терпение, исчезает интерес к литературному труду. У посредственных авторов терпение обычно хватает.

В свое время мы занялись укрупнением издательств. Считалось, что создание крупных издательств принесет пользу. А что получилось? Раньше вокруг издательства группировались не только писательские, но все культурные силы края или области. Теперь же молодым и не одним молодым литераторам и художникам-иллюстраторам, живущим на периферии, негде проявить свои способности. Книгоиздательскому делу это обстоятельство лишь навредило.

Укрупнение издательств, на мой взгляд, равносильно укрупнению областных театров. До последнего, правда, дело не дошло. Здесь хватило ума понять, что театр нужен каждой области, каждому областному центру. Хорошо бы всем осознать и то, что каждой области необходимо и свое издательство.

— В этом году писатели России во второй раз собираются провести праздник славянской письменности. Каким видите вам этот праздник в Вологде?

— Хочется, конечно, чтобы день славянской письменности стал праздником в прямом смысле, причем традиционным, и отмечался бы всем народом, на всех предприятиях и во всех школах. Но мы к этому пока не готовы. Думаю, потребуется еще не один год, чтобы наше общество осознало необходимость такого праздника.

У себя же в Вологде мы хотим этот праздник совместить с юбилеем Константина Батюшкова и открытием памятника поэту. Готовим также выступления фольклорных коллективов, литературные вечера. Будем проводить и научную конференцию.

У нас, как мне представляется, в совершенном заблуждении находится история. Очень противоречиво в трудах ученых отражен, например, период XIII—XIV веков, такой богатый событиями и трагический по своей сути. Одни авторы утверждают одно, другие — совсем противоположное, многие моменты вообще изложены неверно. Но главное — почти никто из ученых даже не стремится устранить явные противоречия в изложении событий нашей древней истории.

— С историей XIII века, видимо, связаны и ваши творческие планы?

— Не только. Кроме XIII века, я очень интересуюсь 1930 годом и работаю над книгой «Год великого перелома». Тематически она продолжает «Кануны».

После беседы с писателем я еще раз задумался о том, чем же привораживают его книги. Многие считают, что словом, сочным языком, сравнимым разве что с водой из родника. Отнюдь не отрицая замечательный слог Белова, думаю, однако, не в нем главная сила писателя. Книги Белова притягивают к себе прежде всего жаждой лада. Они зовут к борьбе за лад.

Беседу вел
Вячеслав ОГРЫЗКО.
Вологда — Москва.